

Посуду убрали, пиршество подошло к концу.

Здание в форме конуса, еще недавно полнившееся смехом и звоном кубков, в мгновение ока преобразилось, став суровой башней для суда над изменниками. Свет на верхних ярусах гас пролет за пролетом, пока одинокий луч, сорвавшийся с самого купола, не высветил в центре двоих — взрослого и ребенка.

Фенкес прижал к себе притихшего малыша, уткнув его голову себе в плечо. Он не хотел, чтобы кроха видел этих напуганных и одновременно пугающих взрослых.

В полумраке, точно мириады зажженных ламп, вспыхивали драконьи глаза. Их пристальные взгляды жгли, словно раскаленные угли, пытаясь вытравить правду, которую так хотелось скрыть. И Фенкес с ребенком оказались в самом центре этого жара.

Драконы живут долго, их зрелость после смены облика длится веками. Нетрудно было представить, сколь древними были эти старцы с лицами, изборожденными глубокими морщинами. Холодные, безжизненные глаза Старейшин буравили примарха.

Фенкеса вдруг захлестнула волна глухого раздражения.

Вот поэтому он и ненавидел Город Чешуи. Ненавидел этот мир, где раса, стоящая на вершине пищевой цепочки и владеющая передовыми технологиями, до сих пор костенела в оковах пережитков, задыхаясь под проклятием власти Старейшин.

Будучи БОССом этого подмира, он прекрасно понимал правила игры. Знал, что над ним стоят творцы иных измерений, создатели, в чьих руках начало и конец всего сущего. Он, как и любой другой обитатель этих миров, был лишь усердным исполнителем, фигурой на доске, которой двигала чужая рука.

Но Старейшины об этом не догадывались. Они искренне верили, что мир принадлежит им. И эта спесь, эта уверенность в своем праве судить всё и вся казались Фенкесу бесконечно нелепыми.

— Фенкес, сын Сени, Золотой Дракон, — Старейшины уже заняли свои места на возвышении. Старейшина Цяо взирала на него сверху вниз, но заговорил за нее стоящий рядом Старейшина Пурпурных Драконов: — Нам донесли, что твой детеныш не принадлежит к нашему роду. Так ли это?

— Почтенные Старейшины, — в голосе Фенкеса, вопреки словам, не было и тени почтения, — я не собираюсь оправдываться, но позвольте заметить: доносительство — занятие крайне постыдное.

Говоря это, он как бы невзначай бросил взгляд в сторону трибун, где сидели представители клана Черного Дракона. Сейчас Фенкес был центром мироздания, и каждое его мимолетное движение ловили сотни глаз. Намек был понят мгновенно.

В толпе зашелестели шепотки:

— Куда он смотрит?

— Клан Черного Дракона...

— Неужели это Хаберд донес?

— У них с Золотым Тираном давние счеты.

— И всё же, опускаться до доносов...

Не все представители клана Черного Дракона знали о происках Хаберда и Наца. Почувствовав на себе косые взгляды, они заерзали, ощущая, как в спины вонзаются невидимые иглы. Наконец один из молодых драконов не выдержал и вскочил:

— Чего ты на нас вылупился? Оклеветать вздумал?!

Его тут же поддержали соплеменники:

— Именно! Что ты задумал?

— Не смей валить с больной головы на здоровую!

— Для обвинений нужны доказательства!

Фенкес лишь усмехнулся: «Интересно, и кто тут на кого первым донес?»

Когда к ропоту присоединились и другие кланы, ряды Черных Драконов вскипели от негодования. Судилище в один миг превратилось в шумный рынок.

— Тишина!

Всего одно слово старейшины Цяо заставило зал мгновенно онеметь. Она была верховным лидером, и её авторитет был непререкаем.

Цяо опустила взор на дерзкого юношу:

— Не обращай внимания на чужие толки. Тебе дано право держать ответ.

Подтекст был ясен: «Мне плевать на чужое мнение, я лишь хочу послушать, какую сказку ты сочинишь на этот раз».

Фенкес, не дрогнув, встретил её взгляд — немыслимая дерзость для большинства драконов этого города. Скрываться дальше не имело смысла. Пусть всё случилось чуть раньше, чем он рассчитывал, события всё ещё шли в нужном ритме.

— В сущности, мне нечего сказать, — Фенкес ласково коснулся кудряшек на затылке ребенка, давая понять, что тот может поднять лицо. — Смотрите сами.

Ли Цзюэ поднял голову. В ушах у него всё ещё стоял звон от недавней перепалки. Оказавшись в перекрестье взглядов, сверкающих в полумраке, он крепче обхватил опекуна за шею.

— Ми-и... — сорвалось с его губ. Это было и обращение к Фенкесу, и его истинный облик в этом мире.

— Всё хорошо, — голос Фенкеса, только что сочившийся презрением к Старейшинам, смягчился. — Они не посмеют тебя тронуть. Пока я рядом.

Он не пытался говорить тише. В абсолютном безмолвии, воцарившемся после окрика Цяо, каждое его слово отчетливо разнеслось под сводами. «Они не посмеют» в его устах звучало как прямой вызов всему миру: «Мне плевать, где мы, я здесь главный, и не смейте мне перечить».

Все знали, что Золотой Тиран ни во что не ставит Совет, признавая лишь власть Цяо. Но такая неприкрытая бравада... это было уже слишком.

Старейшина Пурпурных Драконов едва не задохнулся от возмущения. Если бы не ледяное спокойствие Цяо, он бы уже давно разразился проклятиями в адрес этого наглеца.

Фенкес же, не удостоив их и взглядом, коснулся ладошки малыша:

— Давай, сокровище.

Драконы сперва опешили от того, как нежно этот деспот называет ребенка, но следующая фраза заставила их забыть о чувствах.

«Давай»? Что это значит?

Ли Цзюэ неуверенно моргнул, его глаза округлились:

— Мяс-у?

Тонкий, детский голосок прозвучал так жалобно и нежно, точно колыбание пушинки в воздухе. В этот напряженный миг Фенкес не сдержал улыбки:

— Да, именно это.

Малыш кивнул. Он протянул руку и легким движением... выдернул рожки.

Выдернул. Собственные. Рожки.

Зал ахнул. Это нельзя было назвать просто удивлением — по толпе прошел ледяной вихрь ужаса.

Конечно, случалось, что маленькие драконы, еще не овладев искусством трансформации, не могли скрыть рога — они то исчезали, то появлялись самым нелепым образом. Но ни один дракон в здравом уме не мог их просто «вынуть».

Малыш на руках Фенкеса выглядел совсем крохотным. До периода смены рогов, который наступает в пору юности, ему оставались десятилетия — всё равно что человеческому ребенку до смены молочных зубов. В таком возрасте рога должны сидеть намертво. Любой ушиб вызвал бы нестерпимую боль и слезы, а этот кроха снял их так, словно это была карнавальная маска.

Все присутствующие были взрослыми драконами. Каждый помнил мучительный период смены рогов, когда они едва держались на честном слове, причиняя страдания при каждом движении. Драконы затаили дыхание, невольно сопереживая этой боли.

Однако изнеженный с виду малыш не заплакал. На месте «вырванных» рогов не было ни крови, ни ран — кожа осталась чистой и гладкой. Лишь два едва заметных розовых пятнышка, какие бывают на щеке после долгого сна на подушке.

Кроха почесал отметину:

— Чешется...

Фенкес перехватил его ручку:

— Не трогай, а то расцарапаешь. Потерпи немного.

Малыш надул губы и потерся лбом о плечо Фенкеса, жалобно протянув:

— Ну чешется же-е...

Примарху ничего не оставалось, кроме как самому осторожно потереть зудящие места костяшками пальцев.

Зрители были потрясены снова. Ходили слухи, что Тиран души не чает в своем воспитаннике, но чтобы баловать его настолько... Казалось, у драконов, существ по природе своей холодных, просто нет генов для такой нежности.

Впрочем, вскоре до Старейшин дошла главная суть. Раз рога можно снять — значит, ребенок не драконьей крови. Но кто же он тогда?

Голос Пурпурного Старейшины дрогнул от пережитого шока:

— Сын... кхм, сын Сени, признаешь ли ты, что это дитя — не нашего рода?

— Признаю, — Фенкес был удивительно спокоен. — Хотите взглянуть на его истинный облик?

Старейшина, забыв об обиде на фамильярный тон, только и смог выдавить:

— ...Показывай.

Фенкес погладил малыша по голове и, обернувшись к лестнице, спросил:

— Как это выключить?

Драконы проследили за его взглядом, но так и не поняли, к кому он обращается.

— Начальник, это на дистанционном управлении, — раздался из темноты звонкий детский голос. — Выключать сейчас?

— Выключай, — кивнул Фенкес.

Присутствующие окончательно запутались. Что выключать? О чем они вообще? Неужели у Золотых Драконов в роду принято говорить загадками?

Они тщетно пытались разглядеть в тени собеседника Фенкеса, но, не найдя никого, снова устали в центр зала.

И замерли.

Где ребенок?

Что это за пушистый комок на руках у Фенкеса?

Маленькое, крошечное существо. Если раньше малыш казался куклой в руках могучего дракона, то теперь этот миниатюрный комочек выглядел как изящная статуэтка.

Существо сидело на ладони Фенкеса и, в отличие от прежнего пугливого ребенка, чувствовало себя совершенно непринужденно, лениво облизывая лапку. Несмотря на суровость момента, драконы не выдержали. По залу пополз многоголосый гул.

— ...Что это?

— Никогда такого не видел.

— Что это на нем?

— Э-э... кажется, шерсть.

— Шерсть? Что это такое?

— Трудно сказать. Хотя у некоторых после трансформации волосы тоже растут...

— Но волосы не такие милые!

— Мохнатый зверек...

— Выглядит теплым.

— И мягким.

— Так и хочется погладить.

— И мне.

— Ой, какой пушистик.

— Откуда он его взял?

— Хочу такого же.

В конце концов все вопросы свелись к одному: что это за диво дивное?

Фенкес коснулся головы зверька, не скрывая правды:

— Это кот.

Ответ, однако, породил еще больше недоумения.

— Кот?

— Не слышал о таких.

— Кто это?

— Что?

— Кот?

— Какой еще кот?

Фенкес, слышавший все эти пересуды, едва сдержался, чтобы не закатить глаза. Иногда его соплеменники казались ему величественными драконами, а иногда — просто бездумными попугаями, твердящими одно и то же. Абсурд.

Наконец один «продвинутый попугай», а точнее, ученый из клана Синих Драконов, поправил свои очки в черной оправе и подал голос:

— Я слышал о «кошках». Это хищные хордовые млекопитающие, вымершие много веков назад. Они были грациозны, стремительны и обладали феноменальной реакцией. У них был крайне независимый и своенравный нрав. Несмотря на то что кошки могли сосуществовать с хозяином в гармонии, они никогда не подчинялись до конца.

Драконы дружно подхватили: «Так вот ты какой, кот», — кто-то с пониманием, кто-то по-прежнему в полном тумане.

У каждой семьи были свои питомцы, свои боевые звери, как те же Бронированные обезьяны у

Черных Драконов. Они понимали, что значит «неподвластный дрессировке», но такие существа обычно были верхом уродства и агрессии, призванными убивать или отвлекать врага.

Но это создание на ладони Фенкеса... оно не имело ничего общего с боевыми зверями.

Его шерстка казалась невероятно мягкой и сияла в лучах света, точно золото. Но это было не то ослепляющее золото примарха, внушающее трепет, а теплое, ласковое, уютное.

Огромные глаза занимали почти половину мордочки, а их разрез, чуть приподнятый кверху, казался подведенным самой природой. Зрачки, такие же золотисто-сливочные, как и мех, смотрели на мир с безграничным доверием. Само очарование.

Почувствовав на себе сотни взглядов, котенок выпрямился, качнул хвостом и издал тонкое, капризное «мяу».

И драконы, мнившие свои сердца гранитными скалами, а души — вечными льдами, мгновенно сдались под натиском этого звука.

— Как там это слово...

— Умный?

— Нет.

— Милый!

— Точно, милый! Потрясающе милый!

— Невероятно...

— Ох, какой же он милашка.

— Милота...

Фенкес окончательно лишился дара речи. Опять они за свое. Что за народ эти драконы? Можно он больше не будет называть себя одним из них?

Одно было ясно: Малыш Ли, как всегда, был неотразим. Стоило ему появиться, и аудитория была покорена. Даже Старейшины — и самое главное, Цяо — не остались равнодушны. В её белых глазах при взгляде на котенка промелькнула тень эмоции.

Фенкес вспомнил, как благосклонно она отреагировала, когда малыш назвал её «бабушкой». Знай он заранее, что кошачий облик так подействует на соплеменников, не стал бы так мучиться, скрывая ушки и вечно опасаясь разоблачения.

Золотой Тиран хотел было вздохнуть, но вместо этого почувствовал укол гордости. Пусть другие завидуют сколько угодно — этот малыш принадлежит его семье.

— Неужели из-за того, что это существо «милое», мы забудем о преступлении, совершенном им и его опекуном?

В атмосферу всеобщего умиления ворвался резкий, диссонирующий звук.

Фенкес нахмурился и в наступившей тишине посмотрел в угол, где медленно поднимался человек.

Хаберд.

Тот, кто должен был томиться в темнице по подозрению в похищении и покушении на ребенка, выторговал себе отсрочку — а может, и прощение — ценой доноса.

Члены клана Черного Дракона, увидев своего главу в добром здравии, заметно приободрились. Это было для них как глоток живой воды.

Хаберд, наслаждаясь вниманием, неспешно вышел на свет. Он отвесил церемонный поклон Старейшинам и, словно по писаному, начал свою речь:

— Фенкес, сын Сени, Золотой Дракон, виновен в следующих деяниях:

Во-первых, в самовольном вступлении в союз и воспитании дитя без уведомления Совета, что является грубым нарушением законов Города Чешуи. Это акт неприкрытого пренебрежения к порядку и Кодексу Драконов.

Во-вторых, его подопечный не является драконом. Это обман высшего уровня, осквернение нашей крови и вопиющее святотатство.

В-третьих, он без разрешения и проверки доставил в город неизвестное существо, подвергнув смертельной опасности тысячи жителей...

Его напыщенная речь подействовала на многих. Зрители словно очнулись от сна. Верно, сейчас не время умиляться пушистому комочку — идет суд над отступником!

Правда, нашлись и те, кто усомнился в третьем пункте: какой вред может причинить этот крохотный «зефир»? «Подвергнуть опасности тысячи жителей»? Да от этой крохи можно пострадать разве что от избытка чувств и разрыва сердца от нежности!

Что же касается самого обвиняемого, то Фенкес, как всегда, пропускал нравоучения мимо ушей. Он был полностью поглощен котенком. В человеческом облике Ли Цзюэ пугался пристальных взглядов из темноты, но став котом и сидя на ладони опекуна, он чувствовал себя на вершине мира. Малыш гордо вскинул голову, высоко задрал пушистый хвост — он не боялся никого.

Ведь котята — самые сильные существа во вселенной!

Котенок ткнулся влажным носом в руку Фенкеса, требуя ласки. Кошки — существа особенные: в союзе с ними прирученным всегда оказывается тот, кто кормит.

Фенкеса совершенно не заботило его положение. Он почесал котенка за ушком, и тот мгновенно превратился в лужицу золотистых сливок. Примарх смотрел на малыша, и в душе его заскребла тоска. Когда еще он увидит Ли Цзюэ таким ласковым?

Фенкес понимал: даже если бы не этот нелепый суд, час расставания всё равно близок. Ли Цзюэ не был его домашним питомцем. Он не принадлежал этому миру. Он был Системой Бесконечного пространства, связующим звеном для всех БОССов.

Видя, что Фенкес витает в облаках и в грош не ставит правосудие, даже те Старейшины, что симпатизировали малышу, начали выходить из себя.

Старейшина Синих Драконов громогласно спросил:

— Фенкес! Тебе нечего сказать в свое оправдание? Это и есть твое отношение к суду?

Фенкес пересадил котенка себе на плечо и посмотрел на вопрошавшего:

— Хм... я бы хотел пригласить свидетеля.

— Свидетеля? — Старейшина нахмурился, в деле о таком не упоминалось. — Кого именно?

Фенкес тонко улыбнулся:

— Разумеется, моего супруга.

Старейшины зашептались, обсуждая, позволяет ли протокол вызывать свидетеля, о котором не

было заявлено заранее. Учитывая, что суд был поспешным, а недельный период наблюдения сократили из-за чрезвычайных обстоятельств, они решили, что можно сделать исключение.

Наконец Цяо кивнула:

— Я позволяю.

БОССы других миров обладали даром скрывать свою истинную сущность. Король морских демонов уже дважды сталкивался с драконами, но никто так и не раскусил его природу. Третье обвинение Хаберда не было совсем уж беспочвенным, вот только он выбрал не ту цель. Малыш Ли был абсолютно безвреден для этого мира.

А вот Король морских демонов — совсем другое дело.

Высокий юноша в черном плаще, скрывающем его с ног до головы, медленно вышел вперед. Капюшон был низко надвинут, чтобы никто не разглядел ни форму ушей, ни черты лица, отличавшиеся от драконьих. От него исходила аура невероятной грации и одновременно — подавляющей мощи. За ним тянулся шлейф тяжелого, давящего присутствия морских глубин — той самой силы Воды, которую драконы ненавидели и которой опасались больше всего.

Короткий путь до центра зала он прошел под прицелом сотен взглядов. Хаберд прищурился — он пытался разузнать хоть что-то об этом таинственном «партнере», о котором не ведал даже Нац, но поиски не дали плодов. Никто не знал, кто он и откуда явился.

Хаберд выкрикнул:

— Сын Сени! Пусть твой спутник снимет маску! На этом суде не должно быть места тайнам и обману!

К этому времени Цянь Син уже поравнялся с Фенкесом. Маленький котенок, завидев еще одного знакомого, отчаянно замаякал и принялся скрести лапками воздух, требуя, чтобы его немедленно пересадили в другие объятия.

Стоило Цянь Сину протянуть руки, как котенок снова стал человеческим ребенком и доверчиво прижался к нему. Оба опекуна были рядом, и малышу больше нечего было бояться!

Фенкес по-хозяйски положил руку на плечо Цянь Сина, проигнорировав, как тот мгновенно напрягся, и ответил Хаберду:

— Прошу прощения, но у... моей супруги свои семейные традиции.

Если бы не сотни свидетелей, Король морских демонов наверняка бы сломал и эту

бесцеремонную руку, и язык, позволивший Фенкесу так его назвать. Пока же он ограничился лишь испепеляющим взглядом.

Фенкес сделал вид, что ничего не заметил. Он знал, что его слова звучат сомнительно, но драконы, для которых семья была священным оплотом, обязаны были уважать чужие обычаи.

Хаберд почувствовал подвох:

— Вот как? И из какой же семьи твоя «супруга»?

Фенкес ответил не раздумывая:

— Из клана Драконов Восточного моря.

Присутствующие недоуменно переглянулись. Никто никогда не слышал о таком клане. Драконы рождались в огне и пламени, вода была их извечным антагонистом. Откуда взяться клану, живущему в океане? И если водные драконы существуют... можно ли считать их братьями по крови?

Старейшина Синих Драконов посмотрел на своего ученого соплеменника, что недавно опознал кота. Юноша в замешательстве поправил очки:

— Мне... мне нужно свериться с архивами. Об этом крайне мало сведений.

Старейшины снова погрузились в споры.

Тем временем на трибуне Цянь Син едва слышно прошипел Фенкесу:

— Не смей равнять меня с этими зашоренными ящерицами.

Владыка морей всегда привык взирать на мир свысока, и нынешнее положение — в самом центре толпы — доставляло ему физический дискомфорт. Не говоря уже о нелепице, которую нес Фенкес.

— У нас нет другого выхода, — огрызнулся тот. — Если эти стариканы поймут, что мы трое — из разных видов, проблем не оберешься.

— Замолчи, — Цянь Син красиво изогнул бровь. — Кто это «мы трое»?

Фенкес, делая вид, что играет с Ли Цзюэ, наклонился ближе и тихо рассмеялся:

— Как это кто? Ты ведь теперь моя «супруга»...

Он намеренно растянул последнее слово, явно наслаждаясь моментом. Цянь Син поклялся себе, что, когда этот фарс закончится, он вызовет Тирана на поединок. За насмешки и дерзость придется платить.

Фенкес искоса наблюдал за ним. Они знали друг друга вечность, вечность враждовали, и он прекрасно знал, как выглядит Цянь Син в гневе — на его скулах и у глаз проступал едва заметный алый румянец, делая его облик пугающе прекрасным.

Малыш на руках переводил взгляд с одного на другого, сияя золотистыми глазами. Казалось, он в любой момент готов вмешаться и помирить своих «родителей».

«А ведь из нас получилась бы неплохая семья», — промелькнула и исчезла шальная мысль.

Фенкес заметил, что Старейшины закончили обсуждение и выжидающе смотрят на него. Время пришло. Пора заканчивать этот спектакль.

Фенкес внезапно перехватил запястье Цянь Сина и резко дернул на себя. Тот, не ожидая подвоха, потерял равновесие и оказался в его объятиях.

Прежде чем Владыка морей успел взорваться негодованием, Фенкес прошептал ему на самое ухо:

— А теперь — действуем по плану.

<http://bllate.org/book/16120/1588308>